

ГОДЫ берут свое. Решил на днях Федор Андреевич прогуляться по городу. Одежда, бодро спустился со второго этажа, вышел во двор, а затем на улицу. Квартала полтора одолел не то чтоб гвардейским шагом, но все-таки сносно. Потом почувствовал, как ноги стали наливать свинцовой тяжестью.

—Домой я уже по-черепашьи двигался, — рассказывает Дюрягин. — Отдышался и думаю: «Неужели это я еще два

привыкал, а тонкости ремесла постигал своим умом.

Целых семь лет проходил Федор в учениках столяра. Может, и еще держал бы его в черном теле хозяин, да забрили парня в солдаты — защищать «веру, царя и отечество». Новобранцев погрузили в теплушки и — айда-пошел! — через всю Россию на Австрийский фронт.

Шлиссельбургский полк, куда попал Федор Дюрягин, стал для него следующим классом

А. БАНОВ

ПАРТИИ РЯДОВОЙ

ОЧЕРК

года назад с ружьишком да фотоаппаратом по тайге бежал? Видно, укатали Сивку крутые горки...».

Чего-чего, а крутых горок на долю Федора Андреевича выпало более чем достаточно. Услужливая память хранит в своих недрах события большие и малые, свидетелем и участником которых он был. Иногда, словно на экране, встают перед мысленным взором картины далеких лет, давно ставшие историей.

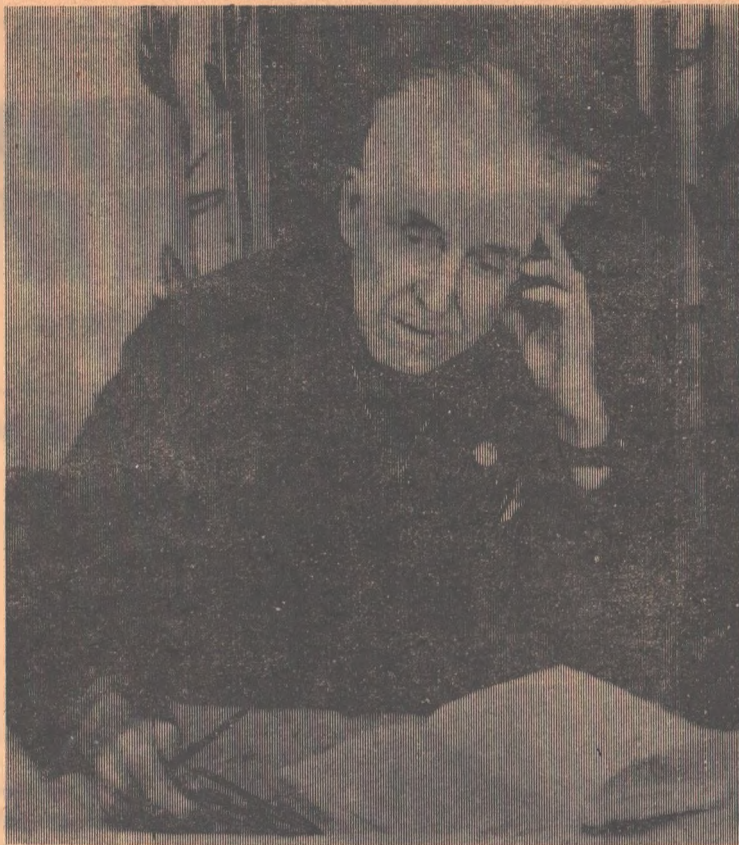
Дюрягины — коренные уральцы, кушвинцы. Там, в Кушве, за семь лет до первой русской революции в семье рабочего человека Андрея Дюрягина появился второй сын, Федор.

Мужик стало быть...

жизненной школы. Здесь он впервые узнал, почему фунт солдатского лиха. В окопах встретил известие о свержении царя, а чуть позднее — о падении Временного правительства.

—Конец войне, пора по домам! — кричал Федор вместе со всеми на бурливых солдатских митингах.

И невдомек ему было, что молодую Республику Советов одним декретом создать нельзя, что у рабоче-крестьянской власти полным-полно врагов — явных и тайных, внутренних и внешних, от которых ее надо защищать. Чтобы понять все это и запомнить крепко-накрепко, суждено было солдату Дюрягину окончить еще не один класс жизненной шко-

же братьев — рабочих и крестьян, при первом удобном случае переходили на сторону красных, бежали в леса к партизанам.

Этот единственно верный путь выбрал для себя и Федор Дюрягин. Вскоре он стал бойцом продотряда 51-й дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

—У вас, товарищи, задание особой важности, — напутствовал комиссар продотрядцев перед очередным рейдом. — На фронтах мы врагов бьем в хвост и гриву, это факт. Вот они и надумали взять нашу республику измором. Прячут богатеи хлеб, не желают продавать голодающим рабочим

хлебу, нападали на обозы в открытую, стреляли из-за угла. И все-таки, выполняя задание Ленина, они привозили хлеб!

Однажды Дюрягина вызвали в штаб.

—Из рабочих, значит, уралец? — переспросил командир, оглядывая невысокую плотную фигуру бойца. — А что у вас там подельвают?

—Руду добывали, металлы варили, — ответил Федор. — А я столяр-краснодеревщик, работал модельщиком.

— Важная работа, — уважительно заметил сидящий рядом комиссар, сам бывший формовщик из Екатеринбурга. — По всем статьям выходит, что для вас Федор Андреевич сейчас

беду на мирном фронте. Об этом сообщили в Москву — правительству, лично Владимиру Ильичу Ленину..

Новый, 1924 год заявил о себе небывалыми холодами. Собираясь на смену, Федор натужно стягивал ремнем выдавшую виды шинельку, поглубже нахлобучивал шапку. Пока добегал до цеха, несколько раз оттирал нос и щеки.

В один из таких дней услышал Дюрягин тревожное известие: тяжело болен Владимир Ильич Ленин.

Много смертей на своем коротком веку довелось видеть Федору Дюрягину, не раз и сам бывал волосок от гибели. Он и сейчас не задумываясь отдал бы свою молодую жизнь, если бы это помогло Ильичу одолеть недуг, вернуться в свой рабочий кабинет.

Если бы помогло... Но чудес не бывает. Надрывно режут заводские и паровозные гудки, стоит на заводском дворе тысячная толпа, обнажив головы, и стынут на щеках горькие слезы. В сознании не укладываются два роковых слова:

— Умер Ленин...

Вся страна провожала в последний путь дорогого Ильича. Вся страна мысленно повторяла слова священной клятвы, которую давали партия и народ своему вождю и учителю.

Когда падает на поле боя боец, его место занимает другой. А кто заменит в рядах партии Ильича?

— Мы! — заявили металлурги и горняки, ткачи и токари — весь рабочий класс.

— Мы! — сказали деревенские бедняки и батраки.

Мужик, стало быть, — удовлетворенно проговорил отец. — Кормилец под старость будет.

На мужиков Андрею Дюрягину везло. Едва Федюнька встал на ноги, родился третий сын, со временем — еще один. И все просили есть-пить. А с этим-то как раз в доме и была неувязка.

Лелеяли родители мечту дать своим мужикам образование, вывести их в люди. Федюньку даже определили в приходскую школу. Пробегал он туда три зимы, потом отец и говорит:

— Видно, не судьба, сынок, быть тебе грамотеем. Бери-ка ремесло в руки!

Двенадцать годков стукнуло Федору, когда отдали его в учение владельцу местной столярной мастерской. Тогдашнее учение — это вам не теперешнее профтехучилище. Первые годы только и слышал: «Подай!», «Принеси!», «Прибери!». Чуть что не так, — затрещина, а то и настоящая выволочка. К инструменту да верстаку тайком

давать голодающим рабочим, снабжать нашу армию.

— Заставим раскошелиться! — гневно крикнул Федор. — Да и в деревне не все мироеды.

— Верно. Те, кто с нами, последней крайюхой добровольно поделятся. Да и у богатеев помогут найти излишки. Поговорить надо с народом, разъяснить обстановку.

Служба в продотряде стала для Федора наглядным уроком классовой борьбы, который способствовал быстрому росту его политического сознания. Рядом с ним каждый день были большевики-ленинцы — убежденные, негибачаемые, кристально чистые. Из тех, кто готовил и проводил на местах Октябрьское вооруженное восстание, кто первым с оружием в руках встал на защиту Советской власти, кто, как и он, добывал сейчас для голодающего народа хлеб.

За драгоценные мешки с зерном нередко приходилось расплачиваться кровью и молодыми жизнями — кулацкие и офицерские банды встречали продотряды свинцовой мете-

вас, Федор Андреевич, сейчас главный фронт — трудовой. Вот и поезжайте домой, воевать с разрухой. Ленин говорит, что пора переводить страну на рельсы мирной жизни.

Сдал Федор оружие, попрощался с товарищами. Дома, без долгих размышлений, устроился модельщиком на металлургический завод. И потекли побегали один за другим дни и месяцы, не менее беспокойные, чем на фронте. Жили впроголодь, работали без оглядки на часы. После смены шли на субботники, чтобы хоть как-то подлатать многочисленные прорехи в большом заводском хозяйстве.

Рабочий коллектив горел желанием дать поскорее и побольше литья для косилок, жаток, молотилок и других крестьянских машин, чугуна крайне был нужен сталеплавильным и металлообрабатывающим заводам. И они добились своего. Ожил, возродился Кушвинский металлургический! Большая трудовая семья, равноправным членом которой стал Федор Андреевич Дюрягин, одержала первую по-

ские бедняки и батраки.

В дни всенародного траура заявление о приеме в партию написал и простой модельщик Федор Андреевич Дюрягин. В январе 1924 года Кушвинский райком партии принял его кандидатом, а в ноябре — членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевики).

Под Красным знаменем созданной Ильичем партии прошагал ее рядовой боец Федор Дюрягин более полувека. И все эти годы был на переднем крае. Участвовал в индустриализации, создавал в деревне колхозы и совхозы, учил других и учился сам. В военное лихолетье дрался с фашистами, в мае сорок пятого был ранен. А потом вернулся на Красноуральский медеплавильный комбинат, откуда ушел на фронт, и проработал здесь до выхода на пенсию.

...Годы берут свое. Не может, как прежде, Федор Андреевич совершать длительные прогулки по городу, из-за этого поубавилось его участие в общественной жизни. Что ж, коммунист Ленинского призыва заслужил право на отдых.